

Наша семья. Пионерское лето 37-го. Арест отца. Северные барак.

В ЛЕТО 1937 года вступало в свои права. Мы жили в Свердловске и занимали квартиру в четырехэтажном доме по улице Белинского, буквально в сотне метров от самой престижной в городе гостиницы «Центральная». В ее номерах всегда останавливались московские знаменитости, иностранцы и руководители высокого ранга. Помню, летом 1936 года в студию Урала приехали первые маршалы Советского Союза Блюхер, Тухачевский и Егоров. Наша дворовая ребятня, неведомо каким образом узнавшая о их появлении, несколько дней табунилась у входа в гостиницу, чтобы взглянуть на знакомых по газетным фотографиям прославленных полководцев гражданской войны, их боевые ордена...

Отец работал в обкоме партии и курировал кадры УралВО и правоохранительных органов. В его сейфе хранились мобилизационные планы на случай войны, и никто, кроме первого секретаря, не имел доступа к секретным документам. При своих служебных посещениях расквартированных вокруг Свердловска красноармейских частей иногда брал меня с собой. Обычно он ездил один, и мне, тогда двенадцатилетнему подростку, разрешал сидеть рядом с шофером. Из окна машины виделось многое, а летние воинские лагеря давали мне бездну интереснейших и долго незабываемых впечатлений: перед моими глазами стояли юркие зеленые танкетки, орудия, пулеметы, марширующие на плацу взводы бойцов. Я видел легендарные табачки, еще не утратившие, кажется, пороховую гарь времен гражданской войны, неотразимо величественные действия кавалеристов. Их я просто обожал! Довоенные фильмы «Четвертый эскадрон», бесподобный «Чапаев» и другие воспитывали в нас, мальчиках, стойкую веру в непобедимость красной конницы.

Мать была из простой крестьянской семьи, женщиной малораспутной. Среди наших многочисленных друзей и знакомых она слыха мастерицей по части домашней выпечки. Иногда к нам на выходной день без приглашения являлись гости в надежде отведать деревенских шанег, пирогов и ватрушек. Нам с отцом было приятно слышать, как они нахваливают ее стряпню и с пристрастием пытаются у матери кулинарные секреты.

К лету 37-го я закончил три класса. Родители порадовались моим хорошим оценкам и, видимо, решили сделать мне что-то приятное. Как-то раз, придя с работы, отец сказал, что неподалеку от Свердловска, в районе Талькова камня, открывается пионерский лагерь обкома, и он мог бы достать для меня месячную путевку. Сначала я не соглашался ехать, было страшно оторваться от дома и жить, бог знает где, без родителей. Но отец столь ярко и заманчиво расписал прелести лагерной жизни, что от моих колебаний не осталось и следа.

До сего времени не могу забыть красоту тех, в то время не задетых еще индустриализацией, мест. До революции здесь добывали тальк, после выборов цен-

ного минерала сохранились глубокие ямы, превратившиеся со временем в живописные озера с крутыми скалистыми берегами и пышной вокруг них растительностью. В отвалах жили змеи — уж, гадюки и желторотки. Нас сюда не водили, мы бегали к озерам на свой риск и страх, нам нравилось будоражить их тихие агатово-черные воды бросанием тяжелых камней.

Земля в окрестностях лагеря хранила множество минералов: попадался горный хрусталь всех оттенков от единичных кристаллов до тяжелых веселых друз, полевой шпат, сердолик, яшма, малахит, топаз и даже камушки аметиста... Один лежал прямо на поверхности, пасти другие не стоило большого труда. Тогда ни кто не интересовался, а ведь какая минералогическая коллекция сама просилась в руки! Если тут, почти на виду, лежало такое богатство, то сколько же его хранил в себе Каменный пояс — Уральский хребет!

Месяц пролетел как один день. Ребят начали отправлять на автобусах в Свердловск, там, в ус-

вали за ябедничество. — Он у тебя «враг народа», а таких арестовывают... Ты, что, с луны, ничего не знаешь про них?

Да уж как было не знать! О «врагах народа» тогда говорили на каждом углу, и от обязательского трепана в городе, казалось, жили одни враги. Центральные газеты со смаком публиковали пространственные отчеты о судебных процессах над «шпионами» и «вредителями», речи подобранных Сталиным государственных обвинителей, полные ненависти и базарной грубости по адресу «врагов». «Вражескую руку» пытались найти в совершенно невинных вещах. Люди моего поколения, наверное, еще не забыли обложки школьных тетрадей тех лет с рисунками на мотивы сказок А. С. Пушкина. Однажды прошел слух, что «художники-вредители» незаметно вписывали в детали рисунков антисоветские фразы. Чтобы прочесть их, требовалось разглядеть разбросанные и умело спрятанные в рисунках буквы, из них, якобы, и складывались крамольные слова. В школе мы до рези в глазах искали

растерянности и запугивания, выселения из квартиры и неизвестного будущего могла ли она поступить иначе?

Вскоре пришла грузовая машина. Громоподобный шум мы не держали. При частых переездах отца с одной работы на другую не по своей воле посудные и платяные шкафы стали бы для нас лишней обузой. Молодые люди в форме сотрудников НКВД быстро погрузили наш скарб, опечатали квартиру, в которой семья прожила три года. Никто нас не провожал и не сочувствовал нашей беде. Лишь ребята молча смотрели, как складывали в кузов вещи, как машина, развернувшись в ограде, выходила на улицу. Прощайте, друзья! Прощайте, школа, дом! Куда нас везут, где мы будем жить?

Вывезли на окраину Свердловска, в так называемые Северные барак. В одном из них отвели нам маленькую комнатку без каких-либо коммунальных удобств: общие для всех жильцов кухни и умывальник, туалет на улице. Началась новая жизнь, на новом месте, в тесноте и,

Б. БУРДИН

ПЕРЕЖИТОЕ

Исповедь семьи, уцелевшей в годы репрессий

довленным месте, их встречали родители. Неожиданно в лагерь приехал отец. Он стал уговаривать меня согласиться еще на один срок и даже пообещал забрать потом на обкомовской «эмке». Я поддался отцовской агитации без всяких раздумий, благо на «повтор» остались еще несколько мальчишек, с которыми я крепко сдружился.

Незаметно минул и второй срок. Снова потянувшись в город вереница автобусов — лагерь быстро пустел. Я ждал отца, но он почему-то не являлся, забыв что ли о своем обещании? Начальник лагеря сочувствовал мне: — Можете запомнить? А?

Промель еще день, за ним другой. Во мне росло убеждение, что отец в служебных делах мог действительно забыть о данном им слове. И тут мой шеф решительно заявил:

— Сегодня не придет — завтра отправлю тебя на своем транспорте. До обкома доезду, а там, надеюсь, сам найдешь дорогу.

У отца в обкоме я бывал, и мне не грозило блуждание по городским улицам в поисках дома. Обкомовской «эмки» я так и не увидел, начальник пионерского лагеря привез меня в Свердловск. Едва я появился в ограде нашего дома, как меня сразу окружили ребята. С какой-то непонятной для меня настороженностью смотрели они мне в лицо, словно между нами назревала крупная потасовка. Наконец, один из них, ковыряя землю носком ботинка, нарушил затнувшееся разглагольствование:

— Борька, а твоего папку арестовали.

Еще не осознав всего сказанного парнем, я переспросил:

— Как это арестовали? Чего ты мелешь?

— А вот так. Арестовали и арестовали — ответил допущенный, которого мы частенько поклачи-

вали за ябедничество. — Он у тебя «враг народа», а таких арестовывают... Ты, что, с луны, ничего не знаешь про них?

Сжав кулаки, я шагнул к парню, ватага моментально разбежалась, быстрее всех ударил мой обидчик. «Враги» находились всюду, но в голове не укладывалось, что среди них мог оказаться сын отец. Я бросился в подзезд, и не помню, как влетел в квартиру. Былого порядка в комнатах словно и не существовало, все лежало упакованным в большие узлы, сложено в сундуки. Мать сидела на одном из них и поминутно вытирала платком мокрые от слез глаза. Увидев меня, она обрадовалась.

— Я уж совсем голову потерял: отца арестовали, тебя нет. А тут еще НКВД приказал в 24 часа собрать вещи — выселять нас будут в какие-то Северные барак на окраине города. Сию минуту и жду машину. Как я рада, что ты приехал, где бы я тебя искала! Теперь у меня одной заботы меньше...

Но где же книги? И мать рассказала.

Кто-то из высоких «мадиновых петлиц», проводивших обыск, воспользовался славившейся нас бедой и с намеками, что с отцом и нами может быть и хуже, за бесценку выторговал у матери напуганную библиотеку, насчитывавшую около тысячи томов. Отец начал собирать ее как пришел в обком, и очень дорожил ею. Слышал, он сказал однажды матери: «Что бы со мной ни случилось, книги сбереги... Увы, не сберегла. Вернувшись из ссылки, отец так и не простил матери ее уступчивость «петлицам». Он прав по-своему. Но в условиях

конечно, в обиде.

Отец, как будто в воду канул. Арестовали его в кабинете второго секретаря Бермана, прибывшего в Свердловск из Удмуртии и занявшего кресло своего застрелившегося предшественника К. Ф. Пшеницына. Мать ходила в обком, чтобы навести справки об отце. Но те, к которым она обращалась со своей болью, молча разводили руками — мы, де, тоже в неведении, или, сославшись на занятость, уклонялись от неприятного разговора — каждый дрожал за личную судьбу — аппарат обкома «сокращался» день ото дня. Мать искренне верила, что те другие, попавшие за решетку, в чем-то виноваты перед Советской властью, и пусть они держат ответ на суде народа. Но ее муж? Какой же он «враг»?

Родился в крестьянской семье. Закончил сельское начальное училище, и как лучшего ученика его приняли в Меркушинскую сельскохозяйственную школу — очень престижное в те годы учебное заведение Пермской губернии. Через четыре года он вышел из нее с дипломом агронома-лесовода и был направлен в село Кизыгу помощником лесничего. Здесь встретил Октябрьскую революцию и без раздумий встал на сторону рабоче-крестьянской власти. Спустя год водостная партия единогласно пригласила его на принятие молодого лесовода в партию большевиков, при этом он сохранил свое членство в комсомоле до 1929 года. Да, единогласно: был проверен на многих делах в пользу учения революции.

1919 год. Пожар гражданской войны докатился до берегов Казань. Идет добровольцем в ряды Красной Армии, после участия в нескольких боях с козачеством в девятнадцать лет стал поллитром 9 роты 269 стрелкового полка 30 дивизии, прошел с

ней от Глазова до Байкала. Революционер 4-й армии объявил ему благодарность за проявленную в работе честность. Потом были Южный фронт, бессонные ночи в особых отделах ВЧК-ОГПУ 30-й армии ВЦИК Иркутской дивизии и VII стрелкового корпуса, демобилизация, учеба, проба сил и организаторских способностей управлять людьми в мирное время.

В Уральский обком ВКП (б) ее муж пришел с большим опытом честной, судебной и советской работы, со стойкими убеждениями коммуниста, защитника Советской власти. И вдруг он попал в чью-то немилость! Можно ли поверить в такое?

Откуда нам с матерью было знать, что в умело расставленных тенетах уже бились миллионы тех, кто незбылемо считался «своими среди своих». Для них, обвиненных «тройками» и «особыми совещаниями» НКВД в немисланных ими преступлениях против социализма, создавали в самых суровых и отдаленных местах страны сотни концентрационных лагерей. Не будь в наши дни широкой гласности и рассекречивания, не будь книг А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», книг других писателей мы так бы и не узнали, что за колючей проволокой лагерей погиб цвет общества.

Несчастье нашей семьи переключилось с трагедией сотен тысяч других семей. И все же мы с матерью не допускали мысли, что в нагрянувшей беде повинны Советская власть, партия и тем более И. Сталин. Мы верили, что они-то как раз и разберутся во всем, накажут виновников произвола, отец, как и другие жертвы репрессий, выйдет на свободу, все вернется «на круги своя». Правда, должна восторжествовать! Уже после того, как отца этапировали на Колыму, а мы с матерью после многих злоключений переехали из Свердловска в деревню, к ее родителям, я тайком от нее писал «отцу народов» и «случному другу детей», прося его «заступиться за папку». На конвертах со всей старательностью выводил: город Москва, Кремль, дорогому товарищу Сталину. Но все письма оставались без ответа. Я не держал на него обиды: «дорогой и любимый» очень занят государственными делами, но он непременно поможет мне — как же жить без отца? И эта детская наивная вера держалась во мне до тех пор, пока не пришло известие о его освобождении...

Боясь накликать на нас новую беду, мать сама отнесла в областное управление НКВД на улице Ленина, 17, отцовский паган, который почему-то не обнаружил при обыске на старой квартире, что было расценено как «патриотический поступок» жены «врага народа», ей вернули изъятые облигации, а в минувшем октябре по моему запросу Управление КГБ по Свердловской области через 54 года выслало личные документы отца и выразило нашей семье искреннее соболезнование по поводу его незаконного осуждения и нашей изломанной судьбы. Эти бы слова да в 37-м!

(Продолжение следует).

(Продолжение. Нач. в № 155)

«ОЧЕРСКИЙ КРАЙ»

7 января 1991 года 3 страница

В своем «Колымском дневнике» отец рассказал, как происходил арест.

«Завонил телефон внутренней связи. Поднимаю трубку и узнаю голос Бермана на повышенном тоне:

— Бурдин, зайди ко мне!

Через минуту я в его кабинете. Посторонних нет. Секретари сидят на своем месте за большим письменным столом. Здравуюсь, Берман не отзывается. Меня это озадачило.

— Садись, рассказывай, что нового?

— Вчера вам докладывал: ничего особенного.

Однако не стал утаивать один очень расстроивший меня факт. На областном съезде профсоюза работников торговли, куда я был послан как представитель обкома ВКП(б), какой-то шупленький паренек на совещании старейшин и партийной части съезда спросил: «Почему Бурдин на нашем съезде? Он давно работает с Кабаковым, а этот человек оказался врагом. Бурдин — почему на свободе?»

Я вынужден был дать разъяснение делегатам, что Кабаков и Бурдин все же дистанция большая...

— Покажи партбилет, — вдруг обратился ко мне Берман. Я подал ему красную книжечку.

— Ты, оказывается, старый коммунист, а я и не знал...

Танусь за билетом, чтобы взять его обратно, и чувствую, как кто-то взял меня за обе руки выше локтей. Оглядываюсь: молодые, здоровые парни в форме анкаведистов. Черт возьми! Где же они прятались? Уж не за портьерами ли окон? И тут я понял, зачем вызывал меня Берман в свой кабинет.

— Ты арестован, — сказал один из них. — Вот ордер на арест. Оружие есть?

— Не война, к чему оно.

— Документы на стол!

Вытащил из кармана все, что было с собой. Выводят из кабинета. Сдаю ключи от сейфа и стола. Спускаемся на первый этаж, у входа в здание стоит легковая машина. Во всем «парадном» меня затапливают в нее, с обоих боков уже знакомые мне конвоиры. Везут в областное управление НКВД, отсюда через переходы — в тюрьму. Там на несколько минут меня оставили одного в длинном коридоре. Из-за двери ближайшей комнаты слышу голос:

— Я Премудров! Вы что, не знаете меня? За что арестовали? Да я в Москву буду жаловаться. Посмотрите на мои награды!

Улавливаю, как что-то брякнуло о деревянный пол, и грубый голос произнес:

— Цевали мы на твои побры-

кушки, вражина!

Конвоиры возвращаются, меня уводят в камеру».

Так отец невольно услышал вопрос директора Мотовилихинского пушечного завода П. К. Премудрова. 13 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР («тройка») приговорила его к расстрелу. Приговор был немедленно приведен в исполнение там же в Свердловске.

Знал ли отец Петра Константиновича, сказать не могу.

В новой школе. Дворец пионеров: вход по приглашению. Ночной стук в дверь.

В ПЕРЕЖИВАНИЯХ и неопределенности нашего бытия на новом месте пришло время идти в школу. Я скучал по своему классу и его руководителю — Александре Петровне Захаровой — душевнейшему человеку и учителю большого педагогического мастерства. Благодаря ее стараниям наш класс отличался дружной, хорошей учебной и общественной активностью. У нас не возникало каких-либо ЧП, если не считать того, что на уроках оставались одни девочки, когда на экраны кинотеатров города вышли «Чапаев», а за ним — «Красные дьяволы» и «Мы из Кронштадта». До сего времени помню классного художника Лёву Судакова, кроткого и худенького отличника Шуру Овинцева, моего лучшего друга Роньку Шейна, самую красивую девочку в школе Любу Вайнер... Как сложилась их дальнейшая судьба? Ведь репрессии продолжались, а вскоре началась Великая Отечественная война. Я искал их, когда приехал в Свердловск на учебу в партийной школе. Искал, но не нашел. Где вы сегодня? Александры Петровны уж не бы-

рессировали.

Я загорелся желанием попасть на эти торжества. Рассчитывать на это приглашение даст мне новая школа, не мог, здесь не знали еще, каков я в учебе. Мать подсказала: съезди в свою школу. И вот я снова стою перед дверью в дорогу для меня 60-ю начальную. Спасибо ее директору (фамилия забылась) и классному руководителю А. П. Захаровой: они не только участливо приняли своего отличника, но и вручили ему приглашенный билет на открытие Дворца, не боявшись, что я стал «чужаком» — членом семьи «врага народа». В тогдашней атмосфере подозрительности и доносов об этом факте могли сообщить куда следует, и трудно сказать, чем бы закончилось добросердечие двух женщин. К счастью, обошлось без анонимного «Снята своим патристическим долгом... Начальную школу № 60 на празднике свердловских пионеров мы представляли с Шурой Овинцевым.

Где отец, что с ним — мы по-прежнему не знали. Мать пессимистично раз ходила на Ленина, 17, но там умели хранить тайны. Могла ли она подумать, что пройдет каких-то полмесяца со дня нашего переселения в Северные баракки, она сама окажется в городской тюрьме, и там состоится ее заочная встреча с отцом.

Документ этот напомнил: 8 октября стало для меня последним учебным днем. Вновь за парту я сел 1 сентября 1938 года в сельской семилетке на родине моих родителей в Пермской области. Поскольку с арестом отца и матери, моей высылкой в детскую колонию города Благуши, о чем расскажу далее, был потерян целый учебный год, мне пришлось продолжать образование вновь с четвертого класса.

Один среди людей. Детраспределитель на улице Голая. Колония имени Карла Маркса.

И ТАМ, с 9 октября я перестал ходить в школу. Сидел, закрывшись в квартире, хлеб занимал у соседей, доедал то, что «припасла» еще мать, искал деньги, но найти их не мог. Когда все было съедено, решил поехать на старую квартиру. Напротив жили наши давнишние знакомые, и я думал: они приютят меня, помогут найти мать. Увы! Даже не пустили за порог, разговаривали со мной через приоткрытую дверь словно с незнакомым человеком, хотя с первого класса дружил с их детьми. Они боялись общения со мной: помогите этому мальчишке, отец и мать которого сидят в тюрьме, навещать кучу неприятностей, а то и самих заберут как «пособников иностранных агентов». Вспоминая это сегодня, пора-

скажи дежурному, что начальник послал. Я тем временем твои документы посмотрю. Сдается мне, что не нашего ты поля ягоды.

На подходе к столовой меня встретил дежурный и, выслушав, провел в большой зал, где сотня, а может больше, остриженных наголо ребят сидела на деревянных скамейках за дощатыми столами и что-то ела из алюминиевых мисок. Мне нашлось место на краю длинного стола. Десятки глаз смотрели на меня с нескрываемым любопытством: этот «смазанный» как попал сюда? Пока ел первое, словно по волшебству исчезло второе блюдо, потом кто-то «увел» кусок хлеба. На всех рожах — святая невинность: что ты, это не я, это не мы. Тут прозвучала команда: «Встать!». Все поднялись, я тоже, так и не утолив свой голод. Новый приказ — «Выходи!». У двери случился заминка. Возле меня оказался мальчишка, под правым глазом у него маячил здоровенный синяк. Он ухватился за мой шерстяной свитер и пискливо сказал:

— Сыни.

— Чего? — ошарашенно переспросил я. — Чего?

— Сыни, говорю. Не понимаешь ли?

Вокруг меня толпились колонисты, глядящие вроде бы безучастно за нашим разговаривавшим словесным поединком. По их лицам не трудно было догадаться, что в случае обострения «международного» конфликта, заступничества от них не жди. Надзирателей же словно ветром сдуло.

— Так сымешь али нет? — вопрошал побитый.

— Нет, — твердо отрезал я. Тут подошел ко мне здоровенный детина и прошипел:

— Ты чо, мила, детку забижаешь? Чо забижаешь? У нас, мила, так не делают, к нам, мила, уважение нужно. А ну, гада, подыми руки!

Я машинально поднял руки, и в ту же секунду детина сдернул с меня словно шкуру с кролика свитер и он моментально исчез в толпе — теперь его и армия Шерлоков не найдет. Шпана вывалилась в коридор, я же заревел от обиды и бессилия. Ко мне подошла толстая женщина и грубо спросила:

— Чего воешь?

— Свитер отобрали, — проговорил я, захлебываясь слезами. — Эка печаль. Скажи спасибо, что не раздели. Пошли к начальнику. Ему не жался, все равно не поможет...

Она привела меня в знакомую комнату. С минуту начальник внимательно смотрел на меня, будто вспоминая о чем-то. Наверное, он догадался, что его «малодцы» оперативно поработали со мной, облегчили меня на какую-то единицу одежды. Однако попытаться не стал.

— Не по адресу привезли тебя, Бурдин, — заговорил он. — Понимаешь, не по адресу. У нас кто? Шпана уличная, карманники, наводили, домушники, а ты политический. Я кое-куда позволю, тебя увезут в детский распределитель. Это в городе, точнее...

(Продолжение следует).

ПЕРЕЖИТОЕ

Исповедь семьи, уцелевшей в годы репрессий

Б. БУРДИН

ло в живых.

В четвертый класс меня приняла средняя школа № 7, находившаяся рядом с Северными бараками. Примерно за неделю или чуть раньше до начала учебного года прошел слух, что в городских школах начался отбор лучших учеников на открытие Дворца пионеров. Власть передали мне одно из самых красивых зданий областного центра — дом бывшего уральского золотопромышленника-миллионера Харитоновна на Вознесенской горке.

Менее года потребовалось для полной внутренней перепланировки будущего Дворца. В этой работе принимали участие 25 заводчиков города, обком ВЛКСМ «бросил» на объект 150 комсомольцев, владевших строительными специальностями. Они завершили общественность Свердловска в том, что к 1 сентября 1937 года Дворец пионеров будет готов. Обещание свое комсомол выполнил.

Поведаю одну интересную деталь. Вознесенская горка и тогда считалась самым загадочным местом в Свердловске, а сам дом был окутан тайнами и легендами. Кроме видимой части он имел еще и потаенную, подземную, принесшую особнику Харитонову недобрую славу. За реконструкцией его под Дворец пионеров и школьников тщательно следил НКВД, и когда ее завершили, все схемы и чертежи по приказу органов уничтожили, а людей, причастных к перестройке, ре-

случилось это сентябрьской ночью. К нашему барaku подкапал «черный ворон», резкий стук в дверь разбудил нас. Мать, быстро одевшись, открыла ее. Люди в военном предьявили ей ордер на арест и приказали собрать немного личных вещей. Со слов матери: «Успела захватить немного денег, когда меня повели из комнаты, ты закричал, ухvatился за меня. Я как могла успокоила, сказала, что скоро вернусь»...

Позднее она поведала и такую деталь ночного «визита».

— У машины один из военных негромко спросил: «Вы жена того Бурдина, который читал лекции о государственному аппарату управления НКВД? Того самого» — отвечаю. «Странно, — так же тихо произнес он. — Странно»...

Было ли это проявлением не доверия или что-то более серьезное — сказать сейчас трудно.

Мать не вернулась ни утром, ни в конце дня, ни в другие последующие. Я остался один ла один с громадным, сразу сделавшимся для меня чужим городом. Слово по инерции продолжал ходить на уроки. И хотя сиротство мое стало явным, волею обстоятельств к учебе не позволял. У меня сохранилась справка со всеми печатями и подписью классного руководителя Постниковой, которая свидетельствует, что за время учебы в четвертом классе средней школы № 7 я имел «...по всем предметам оценку отлично, дисциплина отличная».

жаюсь всеобволакивающему чувству страха, взаимной подозрительности и недоверия, принявших тогда характер вирусной эпидемии, парализовавшей в людях волю к протесту, сопротивлению перед лицом общей беды, убиравшей всякое сострадание к человеческому несчастью.

После второй голодной ночи, проведенной в подъезде дома, некто Киселева отвела меня в ближайшее отделение милиции.

— Подберите парня, — сказала она дежурному. — Он из тех... — и начала что-то напентывать ему на ухо. У милиции оказалось доброе сердце: меня накормили, расспросили обо всем и пообещали на следующий день отправить по назначению. Около полудня меня повезли куда-то за город. Конечным пунктом нашей непродолжительной езды стала колония для несовершеннолетних правонарушителей. Долго стояли у проходной: охрана допытывалась у моих сопровождающих, кто они такие, откуда и зачем прибыли. Потом один из охранников повел нас к низкому каменному зданию, где, видимо, находилось руководство этим строгим заведением. Я вычленился удивился беззвучно, потом выяснилось, что прибыли мы в час обеда, и все колонисты сидели в столовой. Начальник колонии, когда меня представили ему, без всяких обиняков спросил:

— Есть хочешь? Я утвердительно кивнул головой.

— Иди по коридору прямо, в пристрой, там наша столовая. Да

(Начало смотрите в № 155 за 1991 г. и в № 3 за 1992 г.).

«ОЧЕРСКИЙ КРАЙ»

9 января 1992 года

● 3 страница ●

Он назвал улицу в Свердловске, но, к великому сожалению, я забыл ее, и даже тогда, когда меня доставили в этот самый распределитель, не поинтересовался его адресом. Сюда свозили детей, родители которых были арестованы большей частью по политическим мотивам. Возраст у них был разный — от 10—13 до 16 и старше. Нас собралось здесь много.

Для меня, наверное, адрес detention так бы и остался за пределами памяти, если бы не подсказка человека, пережившего кошмарные годы репрессий. Когда я уже написал воспоминания, жена, отдыхавшая в санатории «Рущ» под Нижним Тагилом, привезла только что выпущенный Средне-Уральским книжным издательством сборник воспоминаний бывших репрессированных. Назывался он «Завещание». Прочитал его с большим интересом и вниманием. В печальном рассказе Софьи Ароновны Швец, члена партии с 1917 года, металлурга-исследователя, работавшей на крупных заводах Урала, человека в те годы известного среди хозяйственников региона, нашел упоминание о детприемнике. Оказывается, он находился на улице Гоголя. Какое-то время здесь жили и ее дети. У них тоже остались смутные воспоминания о «казенном доме», но те факты, о которых пишет С. А. Швец, могу подтвердить. Да, нас не выпускали за ворота. Те, кто был постарше нас и посмекалистее, находили возможности связаться с родственниками, чтобы сообщить им о себе. Они писали письма, заворачивали их в записки с просьбой отправить по указанному там адресу и с призыванным камушком перекидывали через забор на улицу. Делалось все это, разумеется, за спиной персонала. Некоторые из писем доходили до адресатов — мир и тогда был не без добрых людей. Таким путем многие свердловчане узнавали, что скрывается за высоким забором одного из домов на улице Гоголя, арестованным родителям шла информация о местонахождении их детей.

В ожидании своей дальнейшей участи, мы сползались по комнатам и ограде. Как и сколько долго мы жили в распределителе, — не помню. Одно осталось в памяти: у рояля, стоявшего почему-то на террасе, всегда было людно. Двое юношей и девушка, сменяя друг друга, играли незнакомые для многих из нас мелодии. Чаще других звучал мотив с такими словами:

Давай пожмем друг другу руки
На дальний путь,
на долгие года...
Возможно, они знали, что близится время, когда всех нас куда-то отправят. И такой день настал.

Не могу сказать, всех ли увезли в одно место или по разным адресам. Ту группу, в которую я попал, приняла Елабуга, детская колония, посившая, как ни странно, имя Карла Маркса. Под крышей большого, сложенного из красного кирпича дома деревянной постройки, собралось несколько сот детей. Позже я узнал, что многие «жили» здесь давно, и не все считались детьми «врагов народа». Сюда привозили и уличную шпату,

пойманную в городах на месте преступления или «застуканную» в ее тайных притонах. В среде этой части нашего колонистского «сообщества» выделялись несколько человек. Про них говорили, что на воле они возглавляли майки «карманников», и милиция долго за ними охотилась — настолько профессионально и неуловимо они «работали».

От воров мы, «цивилизованные», наслаивались много песен, сложенных в их мире. Песни прославляли не только героизм «блатарей», но в них звучала откровенная тоска по простой человечески-нормальной жизни, горечь сиротства. Одна из таких о безрадостном детстве, уже забытая мною, прозвучала в недавно виденном фильме «Путевка в жизнь». Другую, очень популярную среди всех колонистов песню «Там, вдали при долине», я случайно обнаружил в августовском журнале «Москва» за 1991 год. На его страницы она попала из сборника А. Кулагина и Ф. Селиванова, вобравшего в себя песенное творчество городской «малины» и названного довольно странно — «Минувших дней очарование».

Песенная «культура» была очень почитаема в колонии. Бывало, идешь вечером по коридору, и чуть ли не в каждой комнате поют песню, свою любимую.

Теперь нам выпала с ними

го. Скученность была страшная, а людей все привозили и привозили.

Женщин мучила жажда, в камере стояла душная жара (сентябрь того года выдался на редкость солнечным). На их требование обеспечить арестованных питьевой водой и элементарными удобствами, надзиратели грубо отвечали:

— Молчать, контра! Не до ма!

Свет в камере горел круглосветно, для многих он стал настоящей пыткой. Сон в тесноте и духоте скорее походил на бессонницу. Спали на боках, лечь на спину и размять затекшее тело было невозможно — люди лежали так плотно, словно сидели в бочке. Многие женщины заболели нервными расстройствами, но их мольба о медицинской помощи оставалась безответной.

Знакомились в камере быстро, почти все женщины оказались сестринскими, и каждую из них гоняла одна неотвратимая мысль: что с мужем, где он? Но самое мучительное беспокойство порождало неведение о судьбе оставшихся на воле, как им удалось, детей. Откуда же было знать матерям, что система уже «позаботилась» и о них.

В камере формировалась своя жизнь, сильные духом поддерживали слабых, заряжали их верой в торжество справедливости.

мим по совместной работе и таким же путем получали ответы.

При аресте мать успела захватить с собой немного денег. В тюрьме она очень пригодилась: на них она поддерживала питание себя и отца, дважды передавала ему через его следователя по несколько десятков рублей. Но деньги, как выяснилось позднее, оседали в кармане следователя. Узнав об этом, мать написала начальнику тюрьмы что-то вроде решительного протеста, на который он не считал нужным ответить.

Что ей пытались инкриминировать. Статью 58-ю, пункт 12 — о недонесении. Чего? Человек, зная о «контрреволюционной» деятельности другого — брата, мужа, сестры, родственника, не говоря о соседях и просто знакомых, — не донес органам. В 1937—1938 годах этот пункт имел всеохватное применение, особенно к членам семей «врагов народа». Следователи НКВД трактовали его так: знал и не донес — все равно что сделал сам! За этим выводом маячила суровая мера наказания, вплоть до расстрела.

У матери допытывались, кто приходил к нам на квартиру, о чем велись разговоры на таких «сборищах», не использовал ли муж свою жену в качестве «связной» для передачи другим «сообщникам» различных «указаний заговорщического центра»,

собрала теплые вещи, купила кое-что из продуктов питания и все это отнесла в тюрьму для передачи отцу. А через три дня неведь из каких источников ей стало известно, что со Свердловского вокзала уходит спецпоезд с заключенными, и среди них отец. Мать кинулась туда, долго блуждала по железнодорожным тупикам, пока нашла состав. Но куда он идет — узнать не удалось: возле вагонов дежурили часовые с собаками и никого не допускали близко, отмахивались на все вопросы. Оставалось ждать вестей от самого отца.

Теперь ей надо было найти меня. Это могли сказать лишь в областном управлении НКВД. И она пришла туда. Ей довольно быстро сообщили о моем нахождении в Елабуге и даже предложили самой съездить за мной. Но мать категорически отказалась.

— Не я его туда сослала — вы! — заявила она. — Вы и доставьте мне сына...

Сотрудник, с которым она разговаривала, куда-то вышел. Через некоторое время вернулся и сказал, что руководство согласилось с ее требованием. Но будет сделано не скоро...

Детская колония изнутри. Приговор «мафни». Прощай, Елабуга!

ВЕРНЕМСЯ в колонию имени Карла Маркса. В просторном помещении стояли металло-режущие станки различного назначения. Видно нас и тех, кто уже был здесь, хотели научить работать на этом оборудовании. Не знаю, удалось ли начальству достичь своей цели, но я своими глазами видел, как старшие ребята приводили станки в негодность, лишь бы не работать на них. В этом, вероятно, проявился стихийный протест тех, кто, получив воспитание в интеллигентных семьях и будучи не подготовленным к «черному труду», мечтал о другой деятельности или профессии. Нас стали плохо кормить, редко меняли постельные принадлежности и водили в баню. По-прежнему от таких мер колонисты не стали. Группа старших ребят по собственному сценарию подготовила и показала пьесу о Чапаеве, выразив таким образом свое непоколебимое желание и дальше бороться за гуманное к себе отношение. В подготовке пьесы принял участие и автор этих строк. Не знаю, каким образом сценаристы проводили о том, что я рисую. Мне поручили изобразить на бумаге известную по фильму картину, захваченную чапцевцами в штабе разгромленного ими каппелевского полка. Помните: Василий Иванович дарит от важной пулеметчице Анке картину с карикатурным изображением отступающих красноармейцев под натиском «непобедимых» колчаковцев. Старался, и, кажется, получился.

Вопиющая антисанитария привела к тому, что все мы страдали от завшивости. В колонии пожаром вспыхнула сыпной тиф, унесший в могилу многих детей. Колонию изолировали от остальной части города, ее, словно зачумленную, обходили далеко стороной. Да и до вспышки эпидемии колонисты доставляли много хлопот не только своему начальству, но и местному населению.

Б. БУРДИН

ПЕРЕЖИТОЕ

Исповедь семьи, уцелевшей в годы репрессий

одна судьба. Но если тем, как говорят, уже нечего было терять, то нам-то что готовил день грядущий? Кто заступится за нас? От кого нам ждать помощи, кто вызволит нас из колоний? Отцы и матери с тяжким и горьким клеймом «враги народа», может быть, уже расстреляны, находятся в пути к далеким «...ЛАГАМ», а то смолоты в лагерную пыль. Что ждет нас здесь? Никто не смог бы тогда ответить на этот вопрос. Но вернемся к матери.

Свердловская тюрьма. Заочная встреча с отцом. Освобождение матери.

Ее доставили в городскую тюрьму. В небольшой камере находилось более трех десятков женщин. Многие были одеты в домашние халаты, другие — будничную одежду, трех женщин привезли в вечерних платьях — взяли, наверное, в театр во время антрактов. Позднее мать узнала, что среди обитателей тесной камеры оказались также же, как она, домохозяйки, жены партийных, советских и хозяйственных руководителей города и области. Среди арестованных, по словам матери, находилась жена директора Уралмаша. Тюрьма наполнялась не только свердловчанками, сюда привозили женщин с далекой периферии, были даже из Пермского округа. Коек всем не хватало, многим пришлось сидеть и лежать на полу. Тюремное начальство и не предполагало, что арестованных окажется так мно-

Было создано что-то вроде кассы взаимопомощи (при тюрьме имелся промдуг, и через надзирателей иногда можно было купить съестное), вполголоса пели песни и плакали, возмущались произволом тюремной администрации, рассказывали друг другу о жизни, своих семьях, пытались предугадать свою дальнейшую судьбу...

В тюрьме мать обнаружила отца и довольно прозаическим образом. Тюремный туалет с появлением арестованных женщин оказался общим. Тех и других водили туда «по графику». При одном таком посещении мать, бед какой-либо надежды на чудо, написала на внутренней стене туалета три слова: «Привет Бурдину. Аня». И оно свершилось. Отец заметил надпись и приник к ней. Беда свела моих родителей под одну тюремную крышу. Точно так же нашли друг друга еще несколько супружеских пар. Иногда мужчины, идя в туалет мимо женской камеры, незаметно просовывали в глазок двери записки с различной информацией о себе, соседях по камере, сообщали о ходе следствия, ложности предъявляемых им обвинений, называли фамилии наиболее жестоких следователей, выражали уверенность на скорую встречу за тюремной оградой. Никто не хотел верить, что самое страшное все впереди. Имелся еще один способ взаимного информирования. Мужчины, находясь в камерах верхних этажей тюрьмы, спускались из окон на нитках записки своим женам или знако-

информации и каких-либо документов.

По словам матери, на первом же допросе она не поддалась на попытки следователя добиться от нее желаемых для следствия ответов. И скорее не потому, что она оказалась слишком мужественной и смелой. Ее категорическое «нет» на предвзятые вопросы имели под собой одну твердую основу: никакой деятельности против партии и советского государства отец не вел, следовательно, «единомышленников заговорщиков» у него просто и быть не могло. Непосвященность матери даже в будничную обиходную работу отца стала в конце-концов ясной для следователя, его попытки вытянуть у простой домохозяйки какой-то компромат на мужа успеха не имели. Мать после этого в «брежневку» — так тюремные остроумцы называли следственные комнаты — не вызывали. Через три месяца ее выпустили на свободу с подпиской не разглашать того, что видела и узнала в тюрьме. Вскоре она поняла, что ей несказанно повезло. Участь других женщин, с которыми мать находилась в камере, оказалась трагической и неизвестной.

На дворе стоял декабрь с его крепкими морозами. Вернувшись в барак, она нашла квартиру опечатанной. Обо мне никто из живших в соседних комнатах сказать ничего не мог. Мать сорвала пломбу и вошла в квартиру. Все было так же, как до ее ареста, на всем лежал толстый слой пыли. Первым делом она

В колонии вспыхивали драки, ненавистным надзирателям, ябедникам и подлизам из среды самих колонистов устраивали «темные», избивая таких ребят жестоко и со вкусом. Виновиных не находили, за донос можно было лишиться жизни. Старшие помыкали младшими как хотели: заставляли прислуживать, отбирали у них еду, привезенные с собой вещи, деньги.

Широко практиковалось так называемое «усыпление». Скрученное жгутом полотенце накладывалось на шею, и, взяв в руки перекрещенные концы, усыпляющий изо всех сил сдавливал шейные артерии. Лицо его багровело, глаза начинали дико вращаться. Через четверть минуты он становился как-то полудумасшедшим. Усыпавший себя крушил все, что попадалось на его безумные глаза, мог за просто покатиться или даже убить того, кто не успевал от вернуться от удара или выскочить из комнаты. Чтобы вернуть психику в нормальное состояние, нужно было заловчиться и ударить его дважды по лицу. Случалось, что ради потехи старшие колонисты «усыпляли» младших. Страшно!

В числе сраженных тифозной вошью оказался и я. Всех больных доставляли в изолятор. Здесь царил тишина, тепло, мы лежали в чистом белье и на чистых постелях, кормили нас вполне сносно. Всем выздоравливающим хотелось продлить свое пребывание в изоляторе, забыть на время опостылевшую нам колонию с ее крутыми нравами, не приспособленностью, грязью, плохим питанием.

В один из мартовских дней (шел уже 1938 год) я обнаружил под своей подушкой записку. От кого же она? Среди взрослых и детей колонии у меня не было таких, кто бы мог написать ее. Еще не прочитав записку, почувствовал на душе какую-то тревогу, начал чего-то боятся. Днем я не отважился развернуть сложенный треугольником лист бумаги. Прочел ночью в туалетной комнате. Меня извещали, что я «проигран» в карты и приговорен к смерти. Приговор будет приведен в исполнение, как только выпущут из тифозного изолятора. Авторы записки не шутили, если такой приговор выносился, его нельзя было «обжаловать», откупиться чем-нибудь. Никакой уголовный сыск не смог бы «вычислить» «судейскую коллегия», тем более исполнителей. Порвав записку, бросил ее в унитаз и смыл водой.

Два или три дня я ни о чем не думал, как о вынесенном мне приговоре? За что? Я никогда и ни на кого не «фискался», не набивался в приятели надзирателям и другим «начальникам», у меня не было среди колонистов открытых недругов, сильных противников. Может так, вроде меня, «тихоны» и шли на заключение у бластных? Я потерял сон, аппетит, душу раздирал страх, о неминуемо приближавшемся дне «Икс». Что делать? У кого не взять помощи?

Решение пришло как-то вечером во время обязательного измерения температуры. Ртутный столбик уже несколько дней не поднимался выше красной цифры — выздоровление шло полным

ходом, с «косой» я разминусь, твоих стенах, ох, как несладко. Буду ли я тебя вспоминать? Да, всю жизнь. И не приведи господь попасть снова в подобное, или по-настоящему страшное учуждение. Прощай, мафия! Теперь я чихал на твой тайный приговор, меня не возьмешь. Я еду к маме, я буду жить!.. Что стало потом с колонией имени Карла Маркса и теми, кто был свезен сюда, — не знаю.

Санный путь по мартовскому снегу оказался долгим: от Елабуги до Казани ехали несколько дней. Татары не пускали нас в свои дома, мы — кучер, провожатый и я — дважды ночевали в холодных банях и лишь перед последним перегоном — в домашнем тепле. Я крепко простыл, на коленке левой ноги образовался громадный гнойный фурункул, поскольку ходить не мог, провожатый носил меня на руках. От Казани до Свердловска ехали в поезде. Военный сдал матери материю под расписку. Мы снова вместе, нет с нами только отца, о судьбе которого мы по-прежнему ничего не знали.

Мы едем в деревню. Случай в сельмаге. Первые письма с Колымы. «Хижина дяди Тома». Доверие.

по всей округе. Заметив меня в очереди, он спросил строго: — Ты за чем пришел? — Соли купить. — Так-так, — заговорил председатель раздражительным тоном. — Значит, соли тебе надо? — Ну, вот что, — продолжал он, уже обращаясь к продавщице, — этому сыну врага народа ничего не продавай. Узнаю, худо тебе самой будет. Поняла?.. Он еще раз зло посмотрел на меня и вышел из магазина. Завреванный, вернулся я домой без соли. Больше меня за покупками в село не посылали, и это продолжалось до тех пор, пока «бдительно око» не сдал председательский портфель вернувшегося с войны по ранению местному жителю. С той поры сельское начальство перестало попрекать меня родным отцом.

В деревне мы, наконец, получили от него письмо. Из короткой депешки узнали, что он «жив-здоров», особым советским НКВД СССР приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ со ссылкой в Магаданскую область. Что ему инкримирова-

лось? Участие в работе мифического блока правых, трюкистов, эсеров. Кто такие правые и прочие — для нас с матерью выходило за пределы нашего понимания. Главным в письме оказался обратный адрес.

С этой весточки началась более или менее регулярная переписка с отцом: Адреса его часто менялись, из посланных матерью нескольких посылок с продовольствием и денежных переводов он получал далеко не все.

В своих письмах я часто спрашивал его, как живется ему на Колыме, в этом промерзлом и сыром краю. И вот однажды он ответил довольно своеобразным способом, намеком, на который тамошняя цензура не обратила внимания. Отец советовал прочитать книгу американской писательницы Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Я нашел ее в школьной библиотеке. Бедные перлы! Как невыносимо трудно жилось им на рабовладельческом юге Соединенных Штатов! Их могли убить при попытке к бегству, купить-продать, повесить на суку первого же дерева... Их не считали за людей.

Рассказывая хронику нашей жизни в деревне, я не вправе делать акцент на том, что тень отца постоянно лежала на нас, что мы везде и всюду натакивались на подозрительность и недоверие. Они действительно были. Говорят, что человеческая душа особым образом бывает в детстве. Косые взгляды и злое слово воспринимались во мне постоянную рожденность, повышенную чувствительность ко всякой несправедливости, готовность постоять за себя. Поскольку все обиды иско-родственников такое ведь не скроешь, а от них и пошла весть

всталась меньше общаться с ним, избежать встреч с начальством.

В то же время мы чувствовали от многих людей благожелательность и моральную поддержку, нам не отказывали в доверии. Последнее дало знать о себе особенно сильно где-то в 1946 году, когда меня, работавшего колхозным счетоводом, пригласили на должность инструктора Оханского РК ВЛКСМ, в двадцать два года я уже руководил колхозом Оханского района, в 1947 году принят в партию и начал продвигаться с одной служебной ступеньки на другую. Журналистика вскоре стала моим призванием, ей отдано почти сорок лет жизни.

Но особенно дорого для меня воспоминание о той доброжелательности, которую я чувствовал в Андреевской школе от ее директора Л. Н. Коротаева, преподавателей математики Р. М. Усатовой и литературы Т. И. Баландиной. По их рекомендации в октябре 1941 года школьная комсомольская организация приняла меня в комсомол, без сучка и задоринки прошел я и на бюро Оханского райкома комсомола. Спустя немного времени после такого памятного события и опять же по рекомендации названных выше педагогов, меня, ученика седьмого класса, утвердили старшим пионервожатым школы да еще с зарплатой в 200 рублей, и до конца учебного года я платил членские взносы с этой суммы. Работал, кажется, неплохо. Разве стали бы РК ВЛКСМ и отдел народного образования проводить на базе нашей школы районный семинар вожатых. Все было удивленно, когда Л. П. Коротаева представила меня многочисленным гостям. Уж очень юн этот вожак! Но, право же, рассказать участникам семинара было что.

Доверие комсомольских, партийных органов и общественности помогли мне со временем занять свое место в жизни.

Ночной вызов в «дом на углу». Записка в президиум партконференции. Где родился, там и пригосудился.

Хочу, однако, сказать, что интерес ко мне со стороны НКВД давал знать о себе довольно продолжительное время. Расскажу об одном случае, происшедшем в 1950 году. Я тогда только начал работать редактором местного радиовещания в Оханске. Ночное приглашение в «дом на углу» — так горожане прозвали райотдел НКВД, явился для меня тревожной неожиданностью: зачем я там понадобился? Прихожу. Сотрудники без всяких предисловий (при этом он демонстративно переложил свой пистолет из кобуры в ящик стола и направил свет яркой настольной лампы на мое лицо) спрашивают, почему в прозвучавшей по местному радио рецензии на новый отечественный фильм, он был назван неверно? И тут же поясняет: «Секретная миссия» названа «Советской миссией». Напомню: фильм рассказывал о тайных контактах гитлеровцев в годы второй мировой войны с англичанами и американцами с целью заключения за спиной Советского Союза сепаратного мира.

(Окончание следует).

ПЕРЕЖИТОЕ

Исповедь семьи, уцелевшей в годы репрессий

Б. БУРДИН

начало успокаивать меня. На утреннем обходе он как-то буднично сказал:

— Вон отсюда.

Мне принесли одежду, и я начал собираться. Тут случилось нечто такое, что я назвал бы сегодня «знаменным совпадением».

— Бурдин — услышал я голос врача. — Зайди ко мне...

Ну, сейчас дадут разгон! Мной овладела безразличия ко всему, что могло произойти, начало вдруг потанцовывать, ноги обмякли. Пересилив слабость, вошел в кабинет. Кроме врача здесь находился человек в военной форме. Он сидел на стуле и смотрел на меня.

— Вот это и есть Борис Бурдин, — произнес врач. — Выписали его сегодня...

Военный с пристрастием начал расспрашивать меня, как и когда я попал в колонию, как мне здесь жилось, поинтересовался моими родителями, попросил назвать их имена. Я вяло начал рассказ с отца, присовокупив, что не знаю, где он находится сейчас, а когда произнес имя матери, он заговорил сам:

— Твою мать выпустили на свободу, и я приехал за тобой из Свердловска. Хотел раньше приехать, да нам сообщили, что ты заболел тифом. Давай собирайся и двинемся в путь-дорогу... От его слов мне сделалось плохо, ноги не держали меня, и я, наверное, грохнулся бы на пол, не поддержав военный.

Прощай, колония! Ты не успеда по моему переводосчитателю меня, и я уезжаю с тем же нравственным багажом, с каким ты приняла меня. Я не держу на тебя зла, хотя жилось в

В СКОРЕ с помощью материнского брата Николая мы выехали с вещами в Пермь, оттуда в Оханск и дальше в деревню, где жили родители матери. Жизнь опять начиналась заново, у ней оказались свои трудности, они усугубились, когда началась Великая Отечественная война. Поскольку я не учился целый год, в сельской школе мне пришлось сесть в четвертый класс. Летом я работал в колхозе, чтобы не слыть нахлебником у бабушки и деда. Мать незадолго до войны уехала в Оханск, где устроилась работать на швейную фабрику. Вызвано это было тем, что проживание в родительском доме грозило тяжелым налогом: обложением стариковского хозяйства, а при бедном колхозном труде мне рассчитаться с этой денежной и натуральной нагрузкой было тогда делом далеко не простым.

Говорят: сын за отца не отвечает. Однако меня часто попрекали им, старались чем-нибудь обидеть, в чем-то упрекнуть. Не забыл такой случай.

Разгорелось последнее мирное лето, и в один из его дней меня послали в соседнее село Андреевку за солью. Когда я зашел в продом, народу туда набилось порядочно. Занял свою очередь. Вдруг вошел председатель сельского Совета (фамилию его не помню, но мне еще до этой встречи сказали, что он не из местных). Не знаю, уж как он поведал обо мне и моем отце. Впрочем, тут нечему удивляться: отец родился и вырос в одной из деревень сельсовета, его знали и помнили многие сельчане, не мог остаться секретом для них и его ссылка на Колыму — от родственников такое ведь не скроешь, а от них и пошла весть

ПЕРЕЖИТОЕ

Исповедь семьи, уцелевшей в годы репрессий

(Окончание).

Своей рецензией-рекламой мы хотели помочь зрителю разобраться в сложном сюжете фильма, повесть о чрезвычайно опасной и ответственной работе советских разведчиков, сумевших сорвать коварные планы фашистской Германии. Но как мы умудрились назвать фильм «Советской миссией»?

При том крайне обеспокоившем меня разговоре (почему-то ошибкой первыми заинтересовались в НКВД, а не райком партии, которому я подчинялся как руководитель одного из идеологических подразделений района) я не сумел защитить себя. Добился согласия допрашивавшего меня сотрудника на выявление причин, породивших столь досадную ошибку. В те годы подобная оплошность могла дать НКВД повод не только для ночного объяснительного вызова. Мне могли инкриминировать куда более серьезные обвинения со всеми вытекающими из них тяжелыми последствиями.

Дело в том, что, как выразился А. Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ», в первые же послевоенные годы «...Сталину удалось... снова... сгустить прежний воздух 1937 года». Это повлекло за собой новые плотные потоки невинных в дальние лагеря, и не мельчали они до пятидесятого включительно.

Оправдаться я так и не смог, поскольку ошибка, как выяснилось, была допущена редакционной машинисткой, а я, не углав ее, завизировал передачу в эфир. Над моей головой начали собираться тучи. Я пошел к первому секретарю районного комитета партии, все ему правдиво рассказал, и он своим энергичным вмешательством отвел от меня беду.

Еще более тревожный случай произошел с отцом уже после его восстановления в партии и реабилитации.

Стояла поздняя осень 1946 года. Он работал тогда председателем Больше-Усинского райисполкома и был избран делегатом на районную отчетно-перевыборную конференцию коммунистов района. Областной комитет партии, его бюро представлял на конференции председатель облисполкома А. И. Швецов.

После отчета райкома, как водится в подобных случаях, докладчику стали передавать письменные вопросы. Ответил он на все, кроме одного. Автор, пожелавший остаться неизвестным, спрашивал представителя обкома,

почему в президиуме конференции сидит бывший враг народа Бурдин? Тут ли ему место? Ответа на эту записку не было. Но вечером, на квартире отца, А. И. Швецов познакомил его с содержанием делегатского «запроса».

— Не знаю, кто писал, — сказал он, — могу лишь догадываться. Думаю, что и ты подумаешь, кто может стоять за этими вопросами. Хотя ты и чист, Петр Григорьевич, по всем статьям, но глаз с тебя, видимо, не спускают. Случись что, я даже при всей своей власти ничем тебе помочь не смогу...

И. Швецов, ни отец не могли знать, что уже незаметно и неброско начало набирать силу «попторничество»: оставшихся в живых после «варфоломеевских ночей» 1937—1938 и более поздних годов и вышедших из лагерей и тюрем на волю с одной лишь думой как бы тихо дожить остаток своей изломанной жизни, вдруг начали снова хватать и отправлять по старым-новым адресам без предъявления каких-либо криминалов, в порядке «социальной профилактики». Поданная в президиум партконференции записка могла свидетельствовать лишь об одном: репрессивная машина Сталина вновь набирала обороты.

При том разговоре А. И. Швецов по-человечески честно сказал отцу, что хотел бы уберечь его от «повтора». Они просидели всю ночь. Сошлись на таком варианте. Отец пишет заявление в обком партии об освобождении его от занимаемой должности по состоянию здоровья. А. И. Швецов, вернувшись после конференции в Пермь, докладывает первому секретарю обкома партии Н. И. Гусарову все, как есть и через бюро обкома проводит соответствующее постановление. Все так и произошло.

Уезжать из района отцу не хотелось. За два неполных года душа уже прикипела к большому усинской глубинке да и сделано было немало для ее развития. А сколько вызревало новых задумок! В марте 1946 года я гостил у него месяц. Рассказывали, как в районе решается проблема электрификации деревни. Государство и не помышляло тогда помочь ей в этом деле, а колхозы без «голубой энергии» жить уже не могли. Изыскать генераторы и другое оборудование для задуманного райисполкомом строительства колхозных электростанций у себя было невозможно лишь по одной причине — район не имел промышленных предприятий, которые могли бы поделиться с крестьянами всем необходимым для осуществления задуманного. Но предложению отца райисполком формирует авторитетную делегацию и направляет ее в Свердловск на Уралмаш. Ее там хорошо приняли, с пониманием отнеслись к нуждам крестьян. Обратное вернулись не с пустыми руками, и электрификация большеусинской деревни началась...

Отцу дали возможность самому выбрать место жительства и работу. Он пожелал вернуться на родину, там и дело нашлось, то самое, с которого в молодости начал свою трудовую деятельность. Он стал лесничим Андреевского лесничества Оханского лесхоза. Новой работе, которую любил и был горячо предан, отец посвятил более десяти лет. Набирает силу посаженные при его заботе молодые леса, растут и кедры возле его дома. Теперь уже как память. В 1959 году ему назначили персональную пенсию республиканского значения, он до кончины значился в активе колхозной парторганизации и района.

Как сложилась бы судьба нашей семьи, не будь репрессий сороковых годов, сказать трудно. В одном уверен, что жизнь могла подарить каждому из нас куда больше радости и сбывшихся надежд, чем огорчений и трудностей. Но как из песни не выкинешь слово, так и пережитое будет всегда напоминать о себе. «Великий террор» не должен повториться. Августовские события 1991-го показали, что возрождение тоталитарной системы подавления человека могло стать реальностью. Народ, только что освободившийся от нее, не допустил торжества старых порядков. Но антидемократические силы еще сильны, и это обязывает каждого честного человека быть бдительным, решительно выступать против любых попыток сместить молодую демократию ради возврата утраченных привилегий и права водить миллионы людей армейским строем.